

Архивоведение и документоведение: история, теория, практика

УДК 930.253(470.23)

DOI: 10.28995/2658-6541-2020-4-53-75

Ленинградские архивы и архивисты в Великой Отечественной войне: эвакуация, борьба за спасение архивов, потери, архивные документы на службе Отечеству

Надежда М. Корнева

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, n.korneva@spbu.ru;*

Давид И. Раскин

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, d.raskin@spbu.ru*

Аннотация. Статья посвящена истории ленинградских архивов в период Великой Отечественной войны и блокады. Эвакуация наиболее ценных архивных фондов и частей фондов во многом повторила опыт эвакуации 1917 г. Были эвакуированы особо ценные документы и научно-справочный аппарат архивов. Это позволило сохранить самую ценную часть архивов, но сделало почти невозможным использование оставшихся в осажденном городе документов. Благодаря высочайшему профессионализму и самоотверженности ленинградских архивистов эти документы все-таки выявлялись и использовались в интересах обороны, внешней политики, народного хозяйства, а также пропаганды. В тяжелейших условиях блокады выполнялись тематические запросы, составлялись обзоры, перечни документов, готовились к печати документальные сборники. Выполнялись также социально-правовые запросы в интересах отдельных лиц. Выявлялись документы, представляющие «оперативно-чекистский» интерес. Работа по использованию документов архивов осажденного Ленинграда велась в больших масштабах. Архивы страдали от бомбежек и артиллерийских обстрелов. Наибольшие потери понес Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ). Эти потери (а также потери при эвакуации и реэвакуации) составили около 1,3% от общего количества

© Корнева Н.М, Раскин Д.И., 2020

хранящихся в архиве документов. Но основную часть документов ленинградских архивов удалось сохранить.

Ключевые слова: ленинградские архивы, Великая Отечественная война, документы, архивные фонды, научно-справочный аппарат, эвакуация, потери, использование документов.

Для цитирования: Корнева Н.М, Раскин Д.И. Ленинградские архивы и архивисты в Великой Отечественной войне: эвакуация, борьба за спасение архивов, потери, архивные документы на службе Отечеству // История и архивы. 2020. № 4. С. 53–75. DOI: 10.28995/2658-6541-2020-4-53-75

Leningrad archives and archivists
in the Great Patriotic War.
Evacuation, the struggle to save
the archives, losses, archival documents
in the service of the Fatherland

Nadezhda M. Korneva

*Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia; n.korneva@spbu.ru;*

David I. Raskin

*Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia; d.raskin@spbu.ru*

Abstract. The article is devoted to the history of the Leningrad archives during the Great Patriotic War and the blockade. The evacuation of the most valuable archival funds and parts of the funds largely repeated the experience of the 1917 evacuation. Especially valuable documents and the collections of finding aids of the archives were evacuated. That allowed to save the most valuable part of the archives, but made it almost impossible to use of information from the archives left in the besieged city. But thanks to the highest professionalism and dedication of the Leningrad archivists, these documents were nevertheless shown up and used in the interests of the defense, foreign policy, the national economy, as well as propaganda. In the most difficult conditions of the blockade, thematic requests were carried out, reviews, lists of documents were compiled, documentary collections were prepared for publication. Social and legal requests were also carried out in the interests of individuals. Documents of “operational-checkist” interest were identified. Work on the use of information from the archives of besieged Leningrad was carried out on a large scale. The archives suffered from bombing and artillery shelling. The greatest losses were suffered by the Central State Historical Archives in Leningrad (TsGIAL). Those losses

(as well as losses during evacuation and re-evacuation) amounted to approx 1.3% of the total number of documents stored in the archive. But the main part of the documents of the Leningrad archives was saved.

Keywords: Leningrad archives, Great Patriotic War, documents, archival funds, collections of finding aids, evacuation, losses, use of information from archives

For citation: Korneva, N.M. and Raskin, D.I. (2020), "Leningrad archives and archivists in the Great Patriotic War. Evacuation, the struggle to save the archives, losses, archival documents in the service of the Fatherland", *History and archives*, no. 4, pp. 53–75, DOI: 10.28995/2658-6541-2020-4-53-75

Введение

В истории советских архивов в годы Великой Отечественной войны подвигу ленинградских архивистов немало места уделено как в научных статьях, так и в воспоминаниях участников событий [Копылова 1989, Цаплин 1968, Суслова 1968, Суслова 1979, Суслова 2005, Гусарова 1985, Петровская 1999]. Но страницы этой героической истории еще нуждаются в изучении и осмыслении.

Летом 1942 г. (по приказу зам. наркома внутренних дел от 29 мая) руководство центральными государственными архивами г. Ленинграда было передано Архивному отделу УНКВД по Ленинградской области¹. Эта мера в условиях блокады Ленинграда, когда ленинградские центральные архивы, при отсутствии связи с ГАУ НКВД, нуждались в общем руководстве и общей материальной базе с остальными государственными архивами, расположенными в Ленинграде, была вполне целесообразной. До этого центральные государственные архивы (хотя они, казалось бы, принадлежали к привилегированному ведомству) оставались без всякой поддержки. Поступление кредитов из ГАУ НКВД с ноября 1941 г. прекратилось. Штаты пришлось резко сократить². Сотрудники архивов получали продовольственные карточки 2-й категории, по которым в декабре 1941 – январе 1942 г. выдачи производились с большими перебоями. Например, в ЦГАВМФ такие карточки получали все сотрудники архива, кроме директора, дворника и подсобного рабочего³. Лишь весной 1942 г. удалось добиться получения рабочих

¹ Архивная служба Санкт-Петербурга: 95 лет. СПб.: Лики России, 2017. С. 21.

² РГИА. Ф. Архива архива. Оп. 2. Д. 77. Л. 1.

³ Малевинская М.Е. Деятельность Архива Военно-Морского Флота в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда [Электронный

карточек для начальников отделов, а затем усиленного лечебного питания для всех сотрудников⁴. При этом работа по перемещению архивных материалов, да и по поиску документов на стеллажах (без эвакуированного НСА) требовала не меньших физических затрат, чем, например, работа у станка. Начиная с лета 1942 г. положение (в том числе и благодаря единому руководству архивами) стало улучшаться.

В течение всего периода войны во главе Архивного отдела УНКВД по Ленинградской области находилась З.З. Михайлович⁵. По свидетельству многих выживших в блокаду Ленинградских архивистов, она была квалифицированным, преданным делу и умелым руководителем.

Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ) возглавляли: А.Г. Шапиро (до 5 июля 1941 г.), В.Н. Норнов (с 7 по 20 июля 1941 г.), Б.М. Алексеев (и.о. с 4 по 7 июля, с 20 июля 1941 г. по декабрь 1942 г.), П.З. Цивлина (декабрь 1942 – май 1944 г.), В.В. Коротков (май 1944 – 16 января 1945 г.), Н.Х. Соколова (16 января – 22 декабря 1945 г.) [Раскин 2015, с. 317, 340]. Центральный государственный архив Военно-Морского Флота все эти годы возглавлял Н.В. Жмакин [Гусарова 1985, с. 45].

Работа ленинградских архивистов в условиях блокады проходила в невероятно тяжелых, нечеловеческих условиях. Голод, холод, отсутствие освещения, бомбежки и обстрелы были их повседневностью. Приходилось не только дежурить на крышах, тушить зажигалки, срочно перемещать материалы из пострадавших помещений, заколачивать выбитые окна, приводить в порядок противопожарный инвентарь, но и заготавливать и распиливать дрова, очищать территории архивов от снега и мусора, вязать рукавицы для Красной армии. Многие не дожили до победы.

Но, когда читаешь отчеты и докладные записки о работе ленинградских архивов, поражает проделанный объем чисто архивной работы, которая не прерывалась в осажденном городе ни на один день. И ни руководство, ни сотрудники архивов не считали эту работу чем-то чрезвычайным и героическим. Через много лет после войны И.Ф. Петровская вспоминала: «Мы знали, что обязаны удержаться на земле и сохранить то, что поручено нам для сбережения. На наш взгляд, мы не совершали подвигов, не проявляли героизма,

ресурс] // Сайт РГАВМФ. URL: <https://rgavmf.ru/ob-arhive/istoriya-arhiva/malevinskaya-me-arhiv-vmf-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения 09.06. июня 2020).

⁴ Архивная служба Санкт-Петербурга: 95 лет. С. 79.

⁵ Там же. С. 170. См. также [Раскин 2019, с. 58].

делали будничное, но важное дело... То был даже не “долг”, а просто работа – каждый делал свою, и каждая была нужна» [Петровская 1999, с. 41–42].

Эвакуация

После Отечественной войны 1812 г. российские архивы вплоть до Первой мировой войны не сталкивались с проблемой вынужденной эвакуации. Соответственно, не было и предпосылок для выработки теоретических принципов организации такой эвакуации. Некоторой предпосылкой (помимо общеизвестного деления всех поступающих в архивы материалов на 3 разряда) может служить выявление документов, имеющих историческое значение (в первую очередь – подлинных высочайших указов и наиболее ранних документов). Такой вопрос присутствовал и в анкетах (1877, 1917⁶), и в отчетах крупнейших ведомственных архивов. В сентябре 1917 г. началась эвакуация наиболее ценных материалов петроградских ведомственных архивов. Принято считать, что эта эвакуация была организована плохо. Здесь сыграла роль общая оценка деятельности Временного правительства, хотя, конечно, гибель архивных материалов в Рыбинске – факт достаточно красноречивый. Но Союз российских архивных деятелей (кстати, по указанию А.С. Преснякова, возражавшего против эвакуации водным путем) разработал принципы эвакуации, не утратившие значения и в 1941 г. Эвакуации подлежали: 1) архивные фонды и документы «научно-исторической ценности», 2) «документы современного политического значения, не потерявшие секретного характера для неприятеля». При упаковке следовало составлять краткие инвентарные описи в двух экземплярах, «крепкие» ящики с документами – нумеровать с занесением этих номеров в реестры. Важные архивные фонды и документы исторической ценности Союз российских архивных деятелей считал необходимым вывозить «железнодорожным путем». Эвакуации подлежали все описи, алфавиты и указатели «оставляемых частей архивов⁷. Как будет видно из дальнейшего изложения, эти принципы в значительной мере совпадали с принципами эвакуации ленинградских архивов, хотя трудно сказать, насколько в 1941 г. были учтены наработки Союза российских архивных деятелей.

Эвакуация осени 1917 г. (как и «вторая волна эвакуации» в марте 1918 г., еще менее обдуманная и еще более поспешная, руководимая

⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 240. Д. 87. Л. 109; Л. 78. Л. 98 об.

⁷ Там же. Ф. Архива архива. Оп. 1. Д. 56. Л. 105.

людьми «менее осведомленными и вовсе не подготовленными»⁸) привела не только к утрате многих документов, но и к беспорядку в оставшихся частях архивов [Семенова, Хомякова 19858, с. 53–62, Хорхордина 1994, с. 30–33].

5 июля 1941 г. вышло распоряжение СНК СССР «Об эвакуации архивов». Согласно этому распоряжению Народному комиссариату внутренних дел СССР разрешалось «эвакуировать важнейшие документальные материалы Государственного архивного фонда СССР, хранящиеся в центральных государственных архивах Москвы и Ленинграда, в города Саратов и Чкалов. Эвакуации подлежали документы, имеющие особую научную ценность и уникальный характер, материалы, характеризующие обороноспособность Советского Союза, дела и документы оперативного значения, необходимые для работы советских органов, материалы, которые могли быть использованы против Советской страны, документация по личному составу архивных органов и государственных архивов. В обязательном порядке вывозился учетный и научно-справочный аппарат государственных архивов: описи, листы и списки фондов, алфавитные и тематические картотеки, а также другие справочные материалы, раскрывающие содержание и местонахождение дел [Цаплин 1968, с. 64–65]. Всю работу по эвакуации архивов предписывалось закончить в пятидневный срок, что, конечно, было нереально [Хорхордина 1994, с. 261–265].

Насколько архивы были готовы к эвакуации? С одной стороны, доктрина ведения наступательной войны на чужой территории не располагала к составлению планов эвакуации архивов. С другой – в архивах имелись мобилизационные планы, предусматривавшие в том числе и эвакуацию наиболее важных материалов. Но, как показывает пример ЦГИАЛ, план оказался недостаточно продуманным как в части списка подлежащих эвакуации архивных фондов, так и в части материального обеспечения эвакуации. Пришлось в срочном порядке пересматривать списки фондов, изыскивать тару и добиваться предоставления транспорта⁹.

Началась эвакуация. Из центральных государственных архивов СССР, расположенных в Ленинграде, вывоз документов в тыл происходил 20 и 21 июля 1941 г. Ленинградские архивисты вынуждены были работать буквально днем и ночью, увязывая по 400–500 коробок в день (норма была установлена 4–5 тонн документов на сотрудника). Сотрудники сами грузили их на машины, а затем перегружали в вагоны. В г. Чкалов было эвакуировано 680 000 единиц хранения из Центрального государственного исторического архива г. Ленин-

⁸ Там же.

⁹ Там же. Д. 27. Л. 1–5.

града, Центрального государственного архива Военно-Морского Флота и Ленинградского филиала Центрального государственного Военно-Исторического архива [Копылова 1989, с. 16–17].

Около 1 млн дел было эвакуировано из областных ленинградских архивов (из них около половины – из ЛГАОРСС)¹⁰.

Эвакуированные материалы ленинградских архивов были размещены в Никольском соборе (находящемся в форштадте)¹¹.

Рассмотрение списка эвакуированных фондов свидетельствует, что, хотя категорирования фондов в то время еще не было, в этот список попали действительно наиболее ценные фонды и части фондов. Это была сравнительно малая (например, в РГИА эвакуированные материалы составили около 2% от хранимых в архиве дел), но наиболее информационно насыщенная часть ленинградских архивов.

Важной заслугой ленинградских архивистов было то, что на все эвакуируемые материалы (по крайней мере, в ЦГИАЛ) были составлены подробные реестры: один по фондам с указанием, где запакованы их материалы, другой – с обозначением, какие материалы находятся в каждом куле¹². Это значительно облегчило в дальнейшем процесс реэвакуации архивных материалов и позволило установить размеры потерь при перевозке документов.

Отметим, что унаследованный от 1917 г. принцип эвакуации НСА заведомо исключал возможность использования оставшихся не вывезенными архивных документов. А оказалось, что именно последние активно использовались весь период блокады.

Что же касается вывезенных материалов (хотя это были наиболее ценные, а следовательно, и наиболее потенциально востребованные документы), то условия, в которых они хранились (мало приспособленные помещения, укладка штабелями), не способствовали работе по их использованию [Цаплин 1968, с. 70]. Кроме того, наиболее квалифицированные специалисты остались в осажденном Ленинграде, а малочисленные «группы сопровождения» эвакуированных материалов в лучшем случае могли обеспечивать (насколько позволяли условия) их сохранность. Во всяком случае об использовании, например, эвакуированных материалов ЦГИАЛ никаких документальных свидетельств не сохранилось.

Реэвакуация материалов ленинградских архивов началась еще до окончания войны. Например, часть эвакуированных материалов ЦГИАЛ прибыла в Ленинград из Чкалова 8 ноября 1944 г., 4 февраля и 25 марта 1945 г., а последние – в мае–июне 1945 г.

¹⁰ Архивная служба Санкт-Петербурга: 95 лет. С. 71.

¹¹ Там же. С. 21.

¹² Там же. Л. 5.

Начался разбор и учет вернувшихся материалов. Работа проводилась в несколько этапов. Сначала был распакован и учтен справочный аппарат, затем архивные дела – путем сверки с реестрами эвакуированных дел (составленными при отправке в эвакуацию). На втором этапе осуществлялся подъем упаковок согласно маркировкам в архивохранилища, где вернувшиеся дела подкладывались на места своего постоянного хранения. Далее – проводилась разборка россыпи, образовавшейся из разорванных при транспортировке дел, определение их фондовой принадлежности и подкладка недостающих листов в дела. На завершающем этапе проводилось картографирование дел¹³.

В результате эвакуации, а главным образом реэвакуации архивных материалов, не обошлось без потерь. В ЦГИАЛ из эвакуированных 159 019 единиц хранения, упакованных в 3660 ящиках и кулях, в архив поступили 155 286 единиц хранения в 3327 упаковках. Недостача составила 3733 единицы хранения, т. е. примерно 2,3% от общего количества вывезенных дел¹⁴. А всего потери архива (главным образом, в результате пожара) составили примерно 1,3% от общего количества единиц хранения. Таким образом, вопреки известному афоризму, не два переезда оказались равны одному пожару, а один переезд – почти двум пожарам.

Оставляло желать лучшего и состояние многих вернувшихся материалов. «Обнаружено несколько единиц хранения, сильно поврежденные сыростью, большое количество единиц хранения потерты, разорваны переплеты, особенно углы и корешки. Большое количество переплетенных книг обнаружены с частично вырванными, смятыми внутри листами. Небольшая часть документальных материалов прибыла в состоянии россыпи, а разрозненные картотеки смешаны с документальным материалом. Из каждых десяти описей, эвакуированных фондов, имеются потери документальных материалов, а в некоторых фондах 1–7 единиц хранения»¹⁵. Аналогичная картина наблюдалась и в других ленинградских архивах. Например, из вернувшихся в ЛГАОРСС материалов около 25% «выпало из ящиков и кулей и материалы поступали в неупакованном и перепутанном виде, отдельными единицами хранения и в россыпи. Учетно-справочный аппарат... также частично поступил неупакованным, разрозненным и перепутанным»¹⁶.

¹³ Там же. Д. 124.

¹⁴ Там же. Л. 2.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. 924 Оп. 12. Д. 152 Л. 2.

Небольшая часть не вернувшихся как в ЦГИАЛ, так и в другие ленинградские архивы (например, в ЛГАОРСС¹⁷) материалов не была утрачена физически, а была по ошибке (чаще всего в результате повреждения маркировки) направлена в другие архивы. Впоследствии их удалось вернуть.

Борьба за спасение архивов, потери

Главной задачей оставшихся в блокадном Ленинграде архивистов была борьба за сохранение вверенных им архивных материалов.

С этой целью с самых первых дней войны проводилась подготовка архивных зданий к противовоздушной обороне. Заготавливался, размещался на чердаках, лестницах, коридорах и др. песок, лопаты, клещи, багры и т. д., проверялись и перезаряжались огнетушители, устанавливались бочки с водой. Затемнялись окна. Архивные материалы перемещались в более безопасные места (из верхних этажей в нижние). Были сформированы команды и посты ПВО¹⁸. Во время блокады сотрудники архивов тушили зажигалки, заколачивали разбитые взрывной волной окна, боролись с пожарами.

Почти все архивные здания в Ленинграде так или иначе пострадали от бомбежек и обстрелов. Но наиболее тяжелый урон был нанесен Центральному государственному историческому архиву в Ленинграде. Если в других архивах пострадали помещения и, в силу этого, условия хранения (например, в ЦГАВМФ в результате протечек поврежденной крыши пострадало 2000 дел¹⁹, то в ЦГИАЛ погибли архивные материалы.

18 сентября 1941 г., во второй половине дня, в здание Сената попало несколько снарядов; в результате одновременно загорелись хранилища 3-го этажа, где находились фонды Отдела путей сообщения, и 2-го этажа, в бывшей Сенатской церкви, где размещались материалы Финансового отдела архива. Для того чтобы локализовать распространение пожара, загоревшийся архивный материал выносился прямо во двор здания Архива, где после пожара ока-

¹⁷ Там же.

¹⁸ 18 РГИА. Ф. Архива архива. Оп. 2. Д. 27. Л. 3–5. См. также [Суслова 1979, с. 58; Гусарова 1985, с. 42], Архивная служба Санкт-Петербурга: 95 лет. С. 21, 56, 79.

¹⁹ *Малевинская М.Е.* Деятельность Архива Военно-Морского Флота в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда [Электронный ресурс] // Сайт РГАВМФ. URL: <https://rgavmf.ru/ob-arhive/istoriya-arhiva/malevinskaya-me-arhiv-vmf-v-gody-veliko-y-otechestvennoy-voyny> (дата обращения 09 июня 2020).

залась целая гора подмоченного материала. Полностью погибли фонды железных дорог, Комиссии по исследованию железнодорожного дела в России, Амурского общества пароходства, Комиссии по исследованию работ реки Шексна, Комиссии по исследованию работ шлюза «Польза». От огня и воды пострадали фонды: Государственного банка, Государственного заемного банка, Ассигнационного банка, Главного управления государственными сберегательными кассами, Экспедиции государственными сберегательными кассами, Департамента окладных сборов Министерства финансов, Главного выкупного учреждения, Главного казначейства, Русского технического общества, Департамента водяных сообщений МПС, Управления казенных железных дорог, Управления по сооружению железных дорог, Управления по сооружению Сибирской железной дороги, Управления делами пенсионного комитета МПС, Нефтяного комитета МПС, Распорядительного комитета по водным перевозкам, Правительственной инспекции МПС и др. железнодорожных фондов. Почти полностью были уничтожены фонды Русского технического общества и Российского общества спасания на водах²⁰. В результате пожара 28 октября 1943 г. были повреждены и частично погибли материалы «Собрания актов и повелений российских императоров». Пострадавшие и погибшие материалы представляли собой копии – подлинники эвакуированы²¹. От попаданий снарядов и бомб все здания архива пострадали, а здание бывшего особняка гр. Лаваль полностью приведено в негодность.

Всего погибло 138 фондов²². Сгорело (по данным 1947 г.) 100 939 единиц хранения²³.

К этим потерям следует добавить потери в результате реэвакуации, а также неблагоприятных условий хранения и вынужденных перемещений при тушении пожара.

И, конечно, невосполнимые утраты ленинградские архивы понесли в людях. Только за декабрь 1941 – февраль 1942 г. в ЦГИАЛ умерло от голода 16 человек, в Архивном отделе УНКВД ЛО и в областных архивах с декабря 1941 г. по июль 1942 г. – 22 сотрудника, в ЦГАВМФ – 5. Среди них были опытнейшие и старейшие специалисты: А.А. Шилов, М.И. Ахун, М.Ф. Злотников,

²⁰ Список фондов Центрального государственного архива в Ленинграде, сгоревших и подмоченных во время фашистского обстрела снарядами 18 сентября 1941 г. (РГИА. Ф. Архива архива. Оп. 2. Д. 22. Л. 1–2 об.; Отчетный доклад о работе Центрального государственного исторического архива в Ленинграде УГА НКВД СССР за 1941 г. (Там же. Д. 26. Л. 4).

²¹ РГИА. Ф. Архива архива. Оп. 2. Д. 56. Л. 9.

²² Там же. Д. 23. Л. 6.

²³ Там же. Л. 9.

С.В. Судаков, В.С. Евфимовский, Г.Ф. Лапш. Вся тяжесть работы легла на оставшихся сотрудников, численность которых к осени 1941 г. и так резко сократилась в результате мобилизации в армию и сокращения штатов.

Но подвиг ленинградских архивистов, навсегда вошедший в историю, заключался не только в борьбе за спасение архивов. В самых невозможных условиях они вели работу по использованию архивных документов.

Архивные документы на службе Отечеству

Документы ленинградских архивов во время войны и блокады ожидаемо оказались востребованными государством и армией. Труднее было, казалось бы, ожидать, что в условиях эвакуации научно-справочного аппарата, постоянных бомбежек, обстрелов, резкого сокращения числа сотрудников и гибели многих из них, голода, холода, отсутствия освещения ленинградские архивы смогут справиться с этой задачей. Но работа по использованию архивных документов не прерывалась, несмотря ни на что, и давала вполне осязаемые результаты.

В основном эта работа состояла в исполнении запросов, составлении перечней документов и тематических обзоров, а затем и в инициативном информировании потенциальных потребителей архивной информации.

В первую очередь выявлялись материалы, связанные с проектами дореволюционных железных дорог и искусственных сооружений, документы, содержащие гидрологические данные, сведения о полезных ископаемых и т. п.

Уже в начале войны в ЦГИАЛ была проведена имеющая важное оборонное значение работа по выявлению сведений о месторождениях земляных красок²⁴. Осенью 1941 г. сотрудники архива выполняли запросы Лентранспроекта НКПС (по мосту через р. Нарову и режиму этой реки, ряду мостов этого района). В ноябре от Лентранспроекта НКПС поступило требование по предоставлению материалов по постройке Санкт-Петербурго-Вологодской железной дороги (в связи с вызванным нуждами военного времени перебором дороги из однопутной в двухпутную). Несмотря на то что подлинные исполнительные материалы и чертежи этой железной дороги были эвакуированы в г. Чкалов вместе с другими документами архива, ст. научный сотрудник В.А. Кабанов в конце 1941 – начале 1942 г. обследовал оставшиеся в Ленинграде фонды

²⁴ Там же. Д. 80. Л. 20 об.

Министерства путей сообщения (Канцелярию, Технический отдел, Счетную часть главного инженера по постройке С.-Петербургско-Вологодской железной дороги) и почти полностью собрал необходимый материал для реконструкции железной дороги: все расчеты фундаментов мостов и другие данные²⁵. В.А. Кабанов предоставил также Лентранспроекту материал по реперам и возвышению местностей по отношению к уровню Балтийского моря (в связи с работами военного времени), что сократило время перепроектировки и позволило сэкономить значительные средства²⁶. Эта работа была особо отмечена Лентранспроектом [Цаплин 1968, с. 63].

Документы ЦГИАЛ были использованы при проектировании знаменитой Дороги жизни. Сотрудники архива выявили материалы о ледовом режиме Ладожского озера²⁷.

В октябре 1941 г. Академия наук СССР обратилась к руководству ЦГИАЛ с просьбой организовать выявление материалов о полезных ископаемых на территории СССР (с целью разведки новых, возобновления разработки уже забытых и расширения работ на известных месторождениях)²⁸. Эта работа проводилась в архиве все последующие годы. В 1942 г. архив составил карту о полезных ископаемых Ленинградской области для Ленинградского геологического управления. Ленинградскому тресту стройматериалов ЦГИАЛ передал сведения о 105 месторождениях строительного камня, песка, глины, гипса и др.²⁹ Для Всесоюзного геологического управления были отобраны сведения о 3300 месторождениях золота, меди, железа, свинца, каменного угля и т. д. Большую помощь оказал архив Уральскому геологическому управлению: были выявлены планы и чертежи 362 заброшенных медных рудников, обнаружены также планы разведанных в 1914 г. месторождений б. Лысьвенского горного округа. По заявлению предста-

²⁵ Заметка начальника Центрального государственного исторического архива П.З. Цивлиной «Использовать архивные материалы для нужд народного хозяйства» (передана редактору «Последних известий» Ленинградского радиокомитета 10.05.1943). РГИА. Ф. Архива архива. Оп. 2. Д. 80. Л. 20.

²⁶ Отчетный доклад о работе Центрального государственного исторического архива в Ленинграде УГА НКВД СССР за 1941 г. // РГИА. Ф. Архива архива. Оп. 2. Д. 80. Л. 6–8; Докладная записка начальника Отдела путей сообщения В.А. Мурановой и. о. начальника ЦГИАЛ Б.М. Алексею // Там же. Л. 16–19; Отчет о работе Отдела путей сообщения за 2-е полугодие 1941 г. // Там же. Л. 21 об. – 22.

²⁷ РГИА. Ф. Архива архива. Оп. 2. Д. 80. Л. 20–22.

²⁸ Там же. Д. 33. Л. 1.

²⁹ Там же. Д. 60. Л. 20.

вителей треста «Уралзолото», планы и описания только одного из месторождений позволили сэкономить 70 тысяч рублей на геологических работах и без лишних затрат приступить к добыче золота и платины³⁰. В 1943 г. картотека материалов о полезных ископаемых Ленинградской обл. была пополнена 100 карточками³¹. Для выявления способов изготовления материалов-заменителей дефицитного сырья (производство дубителей кожи) сотрудниками архива проводилась работа с материалами Комитета по кожевенным делам. Военно-инженерному управлению Ленинградского фронта была предоставлена извлеченная из архивных документов информация о способах изготовления карманных грелок, маскировочных красок, их автоматического распыления. Для Государственного института прикладной химии были выявлены материалы по рецептурам сигнально-осветительных составов³². В дальнейшем по запросу сектора использования ГАУ НКВД СССР были выявлены сведения о залежах белой глины в бывшем Вытегорском уезде Вологодской губ. и высланы подробные сведения о 12 залежах белой глины. По запросу Управления вспомогательных судов тыла и гаваней Народной комиссии ВМФ были подобраны материалы по истории строительства Балтийского, Перновского, Ревельского, Рижского, Либавского, Одесского и Николаевского портов, а также Очаковского канала. По запросу Комитета по изучению производительных сил и мобилизации ресурсов при АН СССР была составлена подробная справка об имеющихся материалах по месторождениям полезных ископаемых, лесному и водному хозяйству Севера³³.

В ЦГАВМФ выявлялись материалы о гидротехнических сооружениях портов, водопроводных сетях, береговых укреплениях, кронштадтских фортах, составлялись списки чертежей по различным портам Черного и Балтийского морей [Гусарова 1985, с. 44]³⁴.

Материалы о полезных ископаемых Ленинградской обл. и коммунальных сооружениях выявлялись и в ЛГАОРСС³⁵.

По запросам военного командования в Государственном историческом архиве Ленинградской обл. выявлялись документы о сети

³⁰ Там же. Д. 80. Л. 20 об.

³¹ Там же. Л. 18.

³² Там же. Л. 50.

³³ Там же. Д. 106. Л. 5.

³⁴ *Малевинская М.Е.* Деятельность Архива Военно-Морского Флота в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда [Электронный ресурс] // Сайт РГАВМФ. URL: <https://rgavmf.ru/ob-arhive/istoriya-arhiva/malevinskaya-me-arhiv-vmf-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения 09 июня 2020).

³⁵ Архивная служба Санкт-Петербурга: 95 лет. С. 57.

шоссе́йных доро́г Петербу́ргской губ., о техни́ческих соору́жениях на р. Сестре (с планами и картами прилегающих местностей), карты движения песков на р. Тигоде, а затем и материалы по прибалтийским и польским железным дорогам³⁶.

В 1943 г. архивы Ленинграда составили перечни и обзоры документов о машиностроительных заводах и водопроводном хозяйстве города, строительстве железных дорог, залежах торфа и его добыче, гидрографии рек в районах будущих наступательных операций и т. д. В феврале 1943 г. Научный отдел при начальнике Управления государственными архивами НКВД СССР отметил, что в деле помощи фронту особенно значительных успехов добились ленинградские архивы³⁷.

По мере наступления Советской армии все большее значение приобретали архивные материалы о железных дорогах, водных путях и различных транспортных сооружениях на освобождаемых территориях. Так, сотрудники ЦГИАЛ выявляли материалы об искусственных сооружениях Варшавской, Балтийской, Северной, Юго-Западной и Крымской железных дорог³⁸. По запросу группы № 2 Главного управления военно-восстановительных работ и НКПС были сняты копии с чертежей продольных профилей и искусственных сооружений Рижско-Орловской, Московско-Виндавской, Эстонской, Литовской, Латвийской, Молдавской, Румынских и Польских железных дорог, подобраны подробные гидрологические данные о режиме рек Днестр, Западный Буг, Припять, Неман, Западная Двина, Южный Буг, Березина, Луга, Нарова и др.³⁹ Для Управления вспомогательных судов тыла и гаваней ВМФ выявлялись документы по портам: Выборг, Палдиски, Одесса, Виндава, Рига, Очаков⁴⁰. В дальнейшем по запросу Военвостранспроекта НКПС проводилось выявление сведений по железным дорогам Германии, Венгрии, Чехословакии, Болгарии и Польши⁴¹.

После снятия блокады и освобождения пригородов Ленинграда архивные документы стали привлекаться для восстановления разрушенных дворцов, домов, парков. Уже в 1944 г. сотрудники ЦГИАЛ выявили документы для реставрации дворцов, садов, парков Пушкина, Павловска, Петродворца, Ораниенбаума, Стрельны⁴². В это же время сотрудники ГИАЛО направили информационные

³⁶ Там же. С. 80.

³⁷ Там же. С. 20.

³⁸ РГИА. Ф. Архива архива. Оп. 2. Д. 77. Л. 31.

³⁹ Там же. Д. 106. Л. 5.

⁴⁰ Там же. Оп. 17. Д. 82. Л. 1.

⁴¹ Там же. Л. 1–3.

⁴² Там же. Д. 121. Л. 6.

письма в проектные, строительные, жилищные и другие организации с перечнями планов, чертежей и других документов, которые можно было бы использовать при восстановлении города⁴³. Информационные письма и перечни документов о планировке и застройке Ленинграда составлялись в ЦГАВМФ [Гусарова 1985, с. 44].

Работа по использованию архивных документов в целях восстановления, реставрации, учета и охраны памятников культуры, начатая в 1944 г., продолжается и по сей день.

Архивные документы служили интересам также внешней политики СССР.

В 1943 г. по запросу Наркоминдела архив подобрал материалы о праве собственности на здания, занимаемые советским посольством в Тегеране⁴⁴. Для Валютного управления Наркомфина СССР были выявлены банковские книги, содержащие сведения, интересующие Наркомфин, о расчетах Советской Республики и США через Нью-Йорк Сити-Банк в 1917–1918 гг., по запросу Наркомвнешторга СССР организовано выявление материалов о ввозе в Россию в 1914–1917 гг. различных товаров из-за границы. При выполнении этого задания были составлены подробные таблицы о количестве и ценности товаров, ввезенных в Россию из Великобритании, Италии, Франции, Голландии, Бельгии, США, Швеции, Норвегии, Дании, Китая и Японии⁴⁵. В мае 1943 г. по указанию ЦГА НКВД СССР для Наркомвнешторга были подобраны материалы о торговых отношениях России с Аргентиной, Мексикой, Кубой и другими странами Центральной и Южной Америки в период с 1900 по 1917 г.⁴⁶ По указанию сектора использования ГАУ НКВД СССР ЦГИАЛ выявил юридические и правовые документы на право собственности на движимое и недвижимое имущество в Сирии, Палестине и Ливане, принадлежавшее правительству России, общественным, церковным учреждениям и частным лицам. Документы были переданы во временное пользование Народному комиссариату иностранных дел. Архивисты ЦГИАЛ подготовили материалы о границах между Россией и Финляндией в пределах бывшей Архангельской губернии, а также между Россией и Норвегией. Была подготовлена справка по протоколам, описаниям морских и речных границ России с Ираном, Китаем, Японией и США⁴⁷.

Все чаще архивные документы привлекались для использования опыта государственной системы Российской империи. 16 мая

⁴³ Архивная служба Санкт-Петербурга: 95 лет. С. 81.

⁴⁴ РГИА. Ф. Архива архива. Оп. 2. Д. 27. Л. 31.

⁴⁵ Там же. Д. 77. Л. 50.

⁴⁶ Там же. Л. 31.

⁴⁷ Там же. Д. 82. Л. 3.

1942 г. по запросу Главного интендантского управления Красной армии представлен отчет об опыте работы наградной системы дореволюционной России⁴⁸. В 1944 г. в архиве была составлена справка по истории русской военной символики, русского обмундирования и о знаках боевых отличий (орденах, медалях, знаменах и т. д.)⁴⁹. По запросу УГА НКВД СССР подобраны документы об организации и технике сыскного дела в России; по преобразованию полиции в России, по организации сыскного дела и о разведении, воспитании и применении служебно-разыскных собак⁵⁰. По запросам НКВД были подобраны материалы по истории детской беспризорности в России⁵¹. ЦГИАЛ выявил документы об учреждении и деятельности Центральной научно-технической лаборатории военного ведомства. По запросу Штаба 23-й дивизии войск НКВД СССР были подобраны материалы по организации охраны железных дорог с 1906 по 1917 г. По запросу Комитета по делам архитектуры при СНК выявлялись материалы по истории Училища технического рисования бар. Штиглица⁵². Были выявлены материалы о количестве молитвенных зданий, верующих, работников культа в России за период 1910–1916 гг.⁵³ В июле 1944 г. ЦГИАЛ принял фонд Контрразведывательного отделения при штабе Петроградского военного округа. В октябре того же года началась работа по упорядочению фонда, причем была составлена историческая справка с подробным освещением методов и приемов работы отделения⁵⁴.

Документы по истории санитарной службы на флоте выявлялись в ЦГАВМФ [Гусарова 1985, с. 44].

В ГИАЛО в 1942 г. велась работа по подготовке обзоров документов об истории крупнейших петербургских заводов⁵⁵.

Работа по использованию документов ленинградских архивов (в особенности исторического профиля) велась также в интересах пропаганды. Так, в ЦГИАЛ и ГИАЛО выявлялись материалы для готовящегося сборника «Немцы в народном хозяйстве России» [Архивная служба Санкт-Петербурга. 95 лет 2017, с. 80]⁵⁶. В ЦГИАЛ была подготовлена к печати статья «Зверства немцев в первую империалистическую войну» (по материалам

⁴⁸ Там же. Д. 33. Л. 16–32.

⁴⁹ Там же. Д. 82. Л. 3.

⁵⁰ Там же. Оп. 2. Д. 77. Л. 18.

⁵¹ Там же. Л. 31.

⁵² Там же. Д. 106. Л. 5.

⁵³ Там же. Л. 3.

⁵⁴ Там же. Оп. 17. Д. 82. Л. 2–3.

⁵⁵ Архивная служба Санкт-Петербурга: 95 лет. С. 80.

⁵⁶ Там же; РГИА. Ф. Архива архива. Оп. 2. Д. 77. Л. 7.

хранящегося тогда в архиве фонда Чрезвычайной следственной комиссии)⁵⁷. В ГИАЛО проводилось выявление документов по теме «Немцы на петербургских предприятиях», причем «в первую очередь рассматривались документы об отношениях немцев-мастеров к русским рабочим, о немцах в фабрично-заводской администрации, материалы судебных процессов, связанных с увечьями рабочих, и жалобы рабочих на произвол заводской администрации»⁵⁸.

Актуальным пропагандистским задачам (что вполне объяснимо условиями военного времени) были подчинены и подготовленные (а также готовившиеся) в ленинградских архивах документальные сборники и подборки документов: «П.С. Нахимов», «В.А. Корнилов», «М.П. Лазарев», трехтомник документов об адмирале Ф.Ф. Ушакове, «Волжская военная флотилия в обороне Сталинграда» (ЦГАВМФ) [Гусарова 1985, с. 44, «А.С. Попов» (ГИАЛО)⁵⁹, «Ленинградская женщина в Отечественной войне», «В борьбе с врагом» (ЦГИАЛ)⁶⁰. В ноябре 1943 г. в ЦГИАЛ была оформлена выставка «Народы СССР защищают Ленинград»⁶¹. Этим же задачам служили и подготовленные сотрудниками архивов научные доклады и статьи.

Нельзя умолчать и еще об одной стороне информационной деятельности ленинградских архивов.

Еще в сентябре 1939 г. директива ГАУ НКВД потребовала от архивов выявления документов, представлявших «оперативно-чекистский» интерес⁶². Эта работа занимала все большее и большее место в деятельности архивов. Она продолжалась и во время войны. 22 апреля 1942 г. последовал приказ наркома НКВД СССР (№ 001321) «О выявлении шпионов и диверсантов», в соответствии с которым на основании архивных документов составлялись списки лиц, подозревавшихся в шпионаже (в силу происхождения, образования, службы и т. п.), в том числе списки членов Главного союза немецкого флотского общества за границей, германских подданных, входивших в различные акционерные общества, а также российских подданных, входивших в руководящий состав действовавших в России иностранных акционерных обществ, получив-

⁵⁷ РГИА. Ф. Архива архива. Оп. 2. Д. 77. Л. 1.

⁵⁸ Архивная служба Санкт-Петербурга. 95 лет. С. 80.

⁵⁹ Там же. С. 81.

⁶⁰ Последние два сборника готовились не по документам архива (исторического), а по газетным и др. современным материалам. РГИА. Ф. Архива архива. Оп. 2. Д. 77. Л. 1–7; Оп. 17. Д. 82. Л. 3

⁶¹ РГИА. Ф. Архива архива. Оп. 2. Д. 106. Л. 5.

⁶² Архивная служба Санкт-Петербурга: 95 лет. С. 20.

ших образование за границей и т. д., и т. п.⁶³ С этой целью в ЦГИАЛ, например, просматривались дела по фондам Комитета и Совета министров, Департамента духовных дел иностранных исповеданий и Департамента общих дел МВД, Департамента народного просвещения, фонда МПС и др.⁶⁴ Аналогичная работа велась в ГИАЛО и ЛГАОРСС⁶⁵. С этой же, очевидно, целью в мае 1944 г. по запросу «оперативных органов» в ЦГИАЛ были выявлены данные о количестве католических костелов, их названиях, местонахождении, времени закрытия и о фамилиях ксендзов⁶⁶.

Решение вопроса, насколько вся эта работа способствовала обнаружению действительных шпионов противника, а насколько была частью репрессивной политики власти, выходит за рамки настоящей статьи. Но можно предположить, что ленинградские архивисты, занимавшиеся выявлением документов по соответствующим заданиям, искренне верили в необходимость и пользу этой работы.

С кадровыми проверками⁶⁷ и деятельностью спецслужб была связана и часть запросов биографического характера. Такие запросы, как правило, оформлялись через секретное делопроизводство.

Но характерно, что большое внимание уделялось запросам граждан. В приказе по Архивному отделу УНКВД ЛО в 1942 г. говорилось: «Установлен ряд случаев длительной задержки в госархивах (месяц и более) в наведении биографических справок. Начальники архивов недостаточно контролируют работу сотрудников, выполняющих запросы граждан. Приказываю: 1. Начальникам госархивов повседневно контролировать работу по удовлетворению запросов граждан, особенно эвакуированных. 2. Обеспечить такой порядок, при котором наведение биографических справок выполнялось в срок не свыше 5 дней со дня поступления запросов»⁶⁸. В июле 1942 г. Архивный отдел организовал для сотрудников семинар «Изучение и использование материалов фонда при отсутствии справочного аппарата»⁶⁹.

⁶³ Там же. С. 80; РГИА. Ф. Архива архива. Оп. 2. Д. 77. Л. 2; Оп. 17. Д. 121. Л. 12–17;

⁶⁴ РГИА. Ф. Архива архива. Оп. 2. Д. 77. Л. 2.

⁶⁵ Архивная служба Санкт-Петербурга: 95 лет. С. 56, 80.

⁶⁶ РГИА. Ф. Архива архива. Д. 82. Л. 2–3.

⁶⁷ Архивная служба Санкт-Петербурга: 95 лет. С. 20.

⁶⁸ *Малевинская М.Е.* Деятельность Архива Военно-Морского Флота в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда [Электронный ресурс] // Сайт РГАВМФ. URL: <https://rgavmf.ru/ob-arhive/istoriya-arhiva/malevinskaya-me-arhiv-vmf-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения 09 июня 2020).

⁶⁹ Архивная служба Санкт-Петербурга: 95 лет. С. 32.

Всего в 1942 г. пять ленинградских архивов исполнили 1702 биографических запроса⁷⁰.

По мере улучшения условий жизни в блокадном Ленинграде оживилась работа читальных залов архивов. Например, во 2-м полугодии 1942 г. читальный зал ЦГАВМФ посетило 17 исследователей, в 1943 г. – уже 101 (305 посещений). Основную часть составляли морские офицеры, но были также ленинградские писатели и ученые и даже исследователи из др. городов [Гусарова 1985, с. 44]. В 1943 г. возобновил работу читальный зал ЛГАОРСС (5 исследователей, 28 посещений)⁷¹. В 1943 г. 4 исследователя (42 посещения) работало и в читальном зале ГИАЛО⁷². В ЦГИАЛ после разрушения здания бывшего особняка гр. Лаваль помещение читального зала вышло из строя. Читальный зал архива заработал в августе 1944 г. в здании Сената⁷³. Но отдельные посетители работали в архиве и раньше, почти все время блокады.

В тесной связи с использованием архивных материалов находилась и работа по разборке и упорядочению фондов. Так, например, в ЦГИАЛ в январе – марте 1943 г. производилась деятельность по систематизации чертежей железных дорог Ленинградской области (принятых от Октябрьской железной дороги), в марте того же года закончена работа по разборке россыпи фондов контор по орошению и обводнению земель России⁷⁴.

В связи с этой деятельностью необходимо отметить и выделение макулатуры. Такая работа проводилась в ГИАЛО (например, в 1942 г.), в ЦГИАЛ⁷⁵. Только в последнем в макулатуру за период войны было выделено (по данным на 1947 г.) 5351 ед. хр.⁷⁶ С позиций сегодняшнего дня целесообразность этой работы может быть поставлена под сомнение. Но в ряде случаев речь шла о выделении чистой бумаги, необходимой для нужд фронта⁷⁷.

После снятия блокады сотрудники ленинградских архивов (независимо от их довоенной специализации и профиля этих архивов) приняли активное участие в собирании трофейных материалов и документов по истории Великой Отечественной войны⁷⁸ [Цаплин

⁷⁰ Там же. С. 21.

⁷¹ Там же. С. 57.

⁷² Там же. С. 79.

⁷³ РГИА. Ф. Архива архива. Оп. 2. Д. 123. Л. 3.

⁷⁴ Там же. Д. 80. Л. 18.

⁷⁵ Там же. Д. 32. Л. 24; Архивная служба Санкт-Петербурга: 95 лет. С. 79.

⁷⁶ Там же. Д. 23. Л. 9.

⁷⁷ Там же. Д. 32. Л. 24.

⁷⁸ Архивная служба Санкт-Петербурга. 95 лет. С. 22. См. также: [Цаплин 1968, с. 63].

1968]. Во время этой работы сотрудница ЦГИАЛ М.Я. Стецкевич обнаружила в разбитой немецкой автомашине карты минных полей, установленных в районе Петергофа. Копии этих карт были переданы инженерному управлению Ленинградского фронта и использованы при разминировании района [Цаплин 1968, с. 63].

Два ленинградских архива (ЦГАВМФ и ЛГАОРСС) во время блокады продолжали комплектоваться, принимали на хранение документы ликвидированных организаций и отдельных воинских частей (например, крейсера «Киров»⁷⁹).

Заключение

Эвакуация материалов ленинградских архивов летом 1941 г. во многом повторила опыт эвакуаций 1917–1918 гг. В частности, эвакуации подлежали наиболее ценные фонды и части фондов и научно-справочный и учетно-регистрационный аппарат. Эвакуация всех хранящихся в архивах документов была невозможна ни при каких условиях. Доля эвакуированных материалов в основном приближалась к доле особо ценных документов в ленинградских архивах. Отсутствие категорирования фондов на это почти не повлияло. Но эвакуация научно-справочного аппарата (при отсутствии страховых копий) делала почти невозможным использование оставшихся в Ленинграде документов.

Опыт войны повлиял на дальнейшее развитие и архивной мысли, и практики как в СССР, так и во всем мире. Речь идет о создании страхового фонда и выработке критериев категорирования архивных фондов и отбора материалов, подлежащих копированию.

В условиях блокады ленинградские архивисты сделали все возможное для сохранения архивов или, по крайней мере, минимизации потерь.

К потерям архивов необходимо отнести также утраты в результате эвакуации и реэвакуации архивных материалов.

Ленинградским архивистам удалось не только сохранить большую часть вверенных им документов, но и обеспечить деятельность архивов в наиболее актуальных направлениях.

⁷⁹ *Малеви́нская М.Е.* Деятельность Архива Военно-Морского Флота в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда [Электронный ресурс] // Сайт РГАВМФ. URL: <https://rgavmf.ru/ob-arhive/istoriya-arhiva/malevinskaya-me-arhiv-vmf-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny> (дата обращения 09 июня 2020).; Архивная служба Санкт-Петербурга: 95 лет. С. 21–22, 57.

Если работа по научно-технической обработке фондов, созданию и совершенствованию НСА, экспертизе и комплектованию в условиях военного времени была в значительной степени свернута, то работа по использованию документов ленинградских архивов в интересах обороны, внешней политики СССР, народного хозяйства и даже отдельных граждан (социально-правовые запросы) стала одной из основных задач. Эта задача была выполнена, несмотря на крайне тяжелые условия и на отсутствие научно-справочного аппарата. Для этого потребовался не только личный героизм, но и опыт и высочайшая квалификация сотрудников архивов. Особую роль сыграли немногочисленные оставшиеся после многократных чисток старые и наиболее квалифицированные (в том числе и из нового поколения, получившего после 1934 г. образование на истфаке Ленинградского университета) архивисты. Были предприняты меры по методическому обеспечению информационной деятельности архивов в условиях отсутствия научно-справочного аппарата.

История ленинградских архивов в годы Великой Отечественной войны – это история не только героизма, но и высокого профессионализма ленинградских архивистов.

Литература

- Архивная служба 2017 – Архивная служба Санкт-Петербурга. 95 лет. СПб.: Лики России, 2017. 175 с.
- Гусарова 1985 – *Гусарова Л.Н.* В осажденном Ленинграде // Советские архивы. 1985. № 2. С. 42 – 45.
- Копылова 1989 – *Копылова О.Н.* Центральные государственные архивы СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Архивы СССР: История и современность: межвузовский сборник научных трудов. М.: МГИАИ, 1989. С. 136–143.
- Петровская 1999 – *Петровская И.Ф.* В конце пути. СПб.: Петрополис, 1999. 404 с.
- Раскин 2015 – *Раскин Д.И.* Архив Российской империи: Судьба документального наследия высших и центральных учреждений Российской империи. Saarbruecken: Palmarium Academic Publishing, 2015. 665 с.
- Раскин 2019 – *Раскин Д.И.* Организация управления петроградскими (ленинградскими) государственными архивами в 1918–1945 гг.: система, учреждения, люди // История и архивы. 2019. № 2. С. 49–62.
- Семенова, Хомякова, 1958 – *Семенова М.С., Хомякова Г.С.* Комплектование ЦГИА СССР в Ленинграде документальными материалами по истории финансов, промышленности и торговли // ГАУ МВД СССР.: Информационный бюллетень. № 10. М., 1958. С. 50–63.

- Суслова 1979 – *Суслова Е.Н.* Необычайные судьбы. М.: Просвещение, 1979. 80 с.
- Суслова 1968 – *Суслова Е.Н.* В блокадном Ленинграде // Советские архивы. 1968. № 3. С. 71–73.
- Суслова 2005 – *Суслова Е.Н.* Нужно выдержать и возродить архив... // Отечественные архивы. 2005. № 4. С. 88–99.
- Хорхордина 1994 – *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы (1917–1980-е гг.). М.: РГГУ, 1994. 358 с.
- Цаплин 1968 – *Цаплин В.В.* Подвиг архивистов // Советские архивы. 1968. № 3. С. 63–70.

References

- Kopylova, O.N. (1989), “The Central State Archives of the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945”, in *Arhivy SSSR. Istorija i sovremennost': mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh trudov* [Archives of the USSR. History and the present. Interuniversity collection of scientific papers], MGIAI, Moscow, Russia, pp. 136–143.
- Tsaplin, V.V. (1968), “The Archivists feat” *Sovetskie arhivy*, no. 3, pp. 63–70.
- Suslova, E.N. (1979), *Neobyčajnye sud'by* [Extraordinary destinies], Prosveshhchenie, Moscow, Russia.
- Suslova, E.N. (1968), “In blockaded Leningrad”, *Sovetskie arhivy*, no. 3, pp. 71–73.
- Suslova, E.N. (2005), “One must hold out and revive the archives ...”, *Otechestvennye arhivy*, no. 4, pp. 88–99.
- Gusarova, L.N. (1985), „In besieged Leningrad“, *Sovetskie arhivy*, no. 2, pp. 42–45.
- Petrovskaja, I.F. (1999), *V kontse puti* [At the end of the journey], Petropolis, Saint-Petersburg, Russia.
- Raskin, D.I. (2019), “Organization of the management of the Petrograd (Leningrad) state archives in 1918–1945. System, institutions, persons”, *Istorija i arhivy*, no. 2, pp. 49–62.
- Raskin, D.I. (2015), *Arhiv Rossijskoj imperii: Sud'ba dokumental'nogo nasledija vysshih i central'nyh uchrezhdenij Rossijskoj imperii* [Archives of the Russian Empire. The fate of the documentary heritage of the higher and central institutions of the Russian Empire], Palmarium Academic Publishing, Saarbruecken..
- Semenova, M.S. and Homjakova, G.S. (1958), “Acquisition of the Central State Archives of the USSR in Leningrad with documentary materials on the history of finance, industry and trade”, *GAU MVD SSSR. Informacionnyj bjulleten'*, no. 10, pp. 50–63.

Информация об авторах

Надежда М. Корнева, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; Россия, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5; n.korneva@spbu.ru

Давид И. Раскин, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; Россия, 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5; d.raskin@spbu.ru

Information about the authors

Nadezhda M. Korneva, Cand. of Sci (History), associate professor, St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia; bld. 5, Mendeleevskaya liniya, Saint-Petersburg, 199034, Russia; n.korneva@spbu.ru

David I. Raskin, Dr of Sci. (History), professor, St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia; bld. 5, Mendeleevskaya liniya, Saint-Petersburg, 199034, Russia;; d.raskin@spbu.ru